

Н.И. Кареев

**Историко-философские и
социологические этюды**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Кареев**
Историко-философские и социологические этюды / Н.И. Кареев – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 304 с.

ISBN 978-5-518-02095-5

ISBN 978-5-518-02095-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Общее значеніе историческаго образованія ¹⁾.

Лекція I.

Приступая къ чтенію общаго историческаго курса, я всегда вхожу на кафедру съ одною мыслью, съ тою же самою именно мыслью, которая передъ этимъ руководила мною при выработкѣ программы всего курса и которой я стараюсь не забывать и потомъ, когда приходится составлять конспекты отдѣльныхъ лекцій, такъ что мыслью этою до известной степени опредѣляются содержаніе и характеръ и цѣлаго курса, и всѣхъ его частей. Я могъ бы, конечно, оставить ее при себѣ, если бы нѣкоторыя соображенія не заставляли меня познакомиться вась съ нею, какъ принципомъ, коимъ я руководжусь, когда такъ, а не иначе, строю свои общіе историческіе курсы. Одно изъ обстоятельствъ, наталкивающихъ меня на это, заключается уже въ томъ, что при разговорахъ со студентами, касающихся ихъ факультетскихъ занятій вообще и въ частности занятія исторіей, мнѣ невольно приходится возвращаться къ одной и той же темѣ, повторять одну и ту же мысль, и она какъ разъ совпадаетъ съ моимъ руководящимъ принципомъ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы развивать одно и то же нѣкоторымъ изъ вась и притомъ каждому въ отдѣльности, я собрался сегодня сказать то же самое вамъ всѣмъ и сразу, пользуясь для этого первой же своей лекціей. Къ такому рѣшенію подвинула меня и теперешняя постановка преподаванія всеобщей исторіи на нашемъ факультетѣ. Было время, когда всѣ части этого предмета считались равно обязательными для всѣхъ студентовъ факультета, теперь же такую привилегіей пользуется только одна древняя исторія (да и то съ выключеніемъ Востока), такъ какъ средняя и новая отнесены къ числу предметовъ спеціальныхъ, которыхъ какъ бы можно и не знать и классическому филологу, и слависту. Если я читаю однако общій для всѣхъ курсъ по новой исторіи, «рекомендуемый» вамъ факультетомъ, то исходя изъ того принципа, о коемъ и буду говорить.

---

¹⁾ Двѣ вступительныя лекціи въ общіе курсы новой исторіи, читанныя въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 и 1893 гг.

Каждый разъ, когда я вступаю на кафедру, начиная тотъ или другой общій историческій курсъ, я всегда помню, что учеными вообще и въ частности специалистами по моему предмету станутъ весьма немногіе изъ моихъ слушателей, но что всѣмъ одинаково и безъ малѣйшаго изъятія можно и должно сдѣлаться образованными людьми. Дѣятельность ученаго требуетъ извѣстныхъ прирожденныхъ склонностей и способностей, встречающихся вообще у меньшинства, образованіе же доступно каждому, и для того, чтобы его получить, нѣтъ надобности въ исключительныхъ природныхъ качествахъ. Однимъ словомъ, къ ученымъ и образованнымъ можно, пожалуй, примѣнить то, что было когда-то сказано о поэтахъ и ораторахъ, что одни nascitur, а другіе fiunt. Поэтому весьма ошибочно было бы думать, чтобы единственною цѣлью преподаванія на нашемъ факультетѣ было приготовленіе ученыхъ по разнымъ специальностямъ, на немъ преподаваемымъ: это значило бы, во-первыхъ, или имѣть въ виду только небольшое меньшинство, посвящающее себя на всю жизнь занятію наукой, или искусственно притягивать всѣхъ къ дѣятельности, имъ несвойственной, забывая другіе ихъ интересы и потребности, а во-вторыхъ, это значило бы съуздить задачу высшаго преподаванія и даже лишить будущихъ ученыхъ специалистовъ того общаго образованія, отсутствіе коего въ человѣкѣ не можетъ оправдываться никакою специальностью. Съ этою-то мыслью я и соображаю свои курсы, и ее же развиваю обыкновенно въ разговорахъ со студентами нашего факультета, когда у насъ заходитъ рѣчь о слушаніи лекцій и чтеніи книгъ, относящихся къ факультетскимъ предметамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, предметы, преподаваемые на нашемъ факультетѣ, можно раздѣлить на болѣе общіе, имѣющіе болѣе, нежели другіе, образовательный характеръ, и на болѣе спеціальныя, т.-е. такіе, которые имѣютъ характеръ болѣе ученый; да и въ одномъ и томъ же предметѣ можно различать части и стороны болѣе общинтересныя и общедоступныя, съ одной стороны, и спеціально-ученыя—съ другой, что, напр., въ нашей наукѣ и отражается на дѣленіи университетскихъ курсовъ на общіе и спеціальныя. Такая точка зрѣнія, между прочимъ, находитъ свое выраженіе и въ теперешнемъ устройствѣ нашего факультета, дающемъ въ идеѣ сначала, т.-е. въ первые два года общее образованіе, чтобы посвятить два послѣдніе года спеціальнымъ занятіямъ. Насколько вообще послѣдовательно осуществляется эта идея въ дѣйствительности, насколько она не искажена въ своемъ примѣненіи, это другой вопросъ, который теперь разбирать не мѣсто, и здѣсь я не могу лишь не упомянуть объ отмѣченномъ уже отсутствіи средневѣковой и новой исторіи въ кругѣ общеобязательныхъ предметовъ нашего факультета, какъ о проблѣ, который я и предполагаю воспол-

нить своимъ теперешнимъ курсомъ. Но отступленія отъ указаннаго принципа возможны не только въ общей организаціи факультетскаго преподаванія и не только со стороны отдѣльныхъ профессоровъ, если они думаютъ лишь о приготовленіи будущихъ специалистовъ, мало заботясь объ общемъ образованіи своихъ слушателей, — отступленія эти сплошь и рядомъ имѣютъ свой источникъ и въ самихъ студентахъ: вотъ это-то и заставляеть меня такъ часто въ разговорахъ съ вами возвращаться къ темѣ сегодняшней моей лекціи.

Студенческая филологическая среда знакома мнѣ приблизительно столько же лѣтъ, сколько каждый изъ васъ живетъ на свѣтѣ. Я еще очень хорошо помню и самъ себя студентомъ филологическаго факультета, и съ той поры въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ я имѣлъ массу наблюденій сначала надъ своими товарищами, потомъ надъ своими слушателями, — наблюденій, относящихся къ разнымъ періодамъ нашего недавняго прошлаго и къ тремъ университетамъ, съ коними я непосредственно имѣлъ дѣло. Нашъ факультетъ всюду слыветъ за наиболѣе ученый. По всей вѣроятности, ни на одномъ факультетѣ не оканчивается курсъ такой большой процентъ будущихъ ученыхъ, принимая въ расчетъ сравнительно небольшое число студентовъ-филологовъ, и къ намъ поступаетъ относительно много молодыхъ людей, которые думаютъ посвятить себя занятію наукой. Мнѣ даже весьма часто приходилось наблюдать тотъ довольно общій фактъ, характеризующій студентовъ-филологовъ, что вступаютъ они въ университетъ уже большею частью съ болѣе или менѣе рѣзко обозначившимся тяготѣніемъ къ какой-либо специальности и на первыхъ же порахъ до-нельзя суживаютъ кругъ своихъ научныхъ интересовъ. Тамъ большее вниманіе я всегда обращалъ на это явленіе, что одинъ изъ частныхъ его случаевъ представляетъ собственное мое прошлое: я помню, что на первыхъ порахъ своего пребыванія на историко-филологическомъ факультетѣ въ Москвѣ, и изъ профессорскихъ лекцій я дорожилъ только тѣмъ, и изъ рекомендованныхъ книгъ читалъ только то, что имѣло отношеніе къ моей «специальности», каковою сначала была, однако, не исторія. Къ счастью для себя, я еще рано понялъ, насколько было ошибочно такое отношеніе къ факультетскому преподаванію, и этимъ я былъ обязанъ отчасти курсамъ нѣкоторыхъ своихъ профессоровъ, дававшихъ по старой традиціи Московскаго университета широкую, образовательную, идейную постановку читавшимся ими предметамъ. Послѣ того, что я извѣдалъ самъ съ своимъ раннимъ специализированіемъ, я въ каждомъ студентѣ-филологѣ, дорожащемъ исключительно какою-нибудь специальною областью и относящемся индифферентно къ наиболѣе общеобразовательнымъ предметамъ факультета или даже видящемъ помѣху для своихъ специальныхъ

занятій въ «необходимомъ згѣ» слушанія прямо къ нимъ не относящихся курсовъ, узнавалъ когда-то и у меня бывшее настроеніе, признанное мною потомъ ошибочнымъ и вреднымъ. Понятное дѣло, что встрѣча съ подобнаго рода фактами заставляетъ меня всегда въ разговорахъ со студентами обращаться къ нимъ съ совѣтомъ—избѣгать слишкомъ ранней спеціализаціи своихъ занятій и заботиться о пополненіи своего общаго образованія, и по той же самой причинѣ я придаю большую важность обще-образовательной постановкѣ своихъ курсовъ. Конечно, научная дѣятельность, ожидающая въ некоторыхъ изъ васъ, профессія преподавателя, выпадающая на долю большинства бывшихъ студентовъ нашего факультета,—не говоря о другихъ занятіяхъ, какія могутъ представиться студенту-филологу,—требуютъ спеціализаціи, въ однихъ случаяхъ большей, въ другихъ меньшей, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ было лучше, тѣмъ раньше и чѣмъ исключительнѣе человѣкъ сталъ бы спеціализироваться. Крайняя спеціализація, оторванная отъ почвы общеобразовательныхъ элементовъ науки, вообще можетъ быть только хилымъ и искривленнымъ растеніемъ, дающимъ плоды довольно сомнительнаго достоинства: это сказывается не только тогда, когда въ каждой наукѣ изслѣдуется что-либо частное безъ всякаго отношенія къ тому общему, какое представляетъ собою наука, но даже и въ томъ случаѣ, если и цѣлая наука отгораживается китайской стѣной отъ другихъ наукъ. Чтобы сознательно относиться къ своей наукѣ, необходимо понимать ея мѣсто и значеніе среди другихъ наукъ, представлять себѣ ясно, что она имъ можетъ дать и что онѣ ей могутъ дать, особенно же видѣть постоянно ту связь, какая существуетъ между нею и науками, ей близкими и родственными: на юридическихъ факультетахъ есть даже особый предметъ преподаванія, касающійся всего этого по отношенію къ факультетскимъ предметамъ, и скажу мимоходомъ, что въ соотвѣтствіе такой юридической энциклопедіи не мѣшало бы создать и у насъ своего рода историко-филологическую пропедевтику¹⁾). Говоря вообще, весьма часто приходится отмѣчать печальныя слѣдствія слишкомъ ранней спеціализаціи, которая особенно вредна именно въ силу своей преждевременности, т.-е. до завершения общаго образованія въ кругѣ извѣстныхъ наукъ и въ годы, имѣющіе въ некоторыхъ отношеніяхъ рѣшающее значеніе для всей послѣдующей дѣятельности человѣка.

Если въ молодыхъ людяхъ, вступающихъ въ число студентовъ-филологовъ, я нерѣдко встрѣчался съ некоторою склонностью къ ранней

---

¹⁾ Въ виду этого, напр., съ 1891 г. я читаю курсы по исторической энциклопедіи, имѣющей отчасти и пропедевтическій характеръ.

спеціализаціи, не находившей иногда достаточнаго противовѣса со стороны университетскаго преподаванія, а въ иныхъ случаяхъ даже прямо или косвенно поощрявшеюся, то рядомъ съ этимъ я наблюдаю и иного рода явленіе, которое также не могъ оставлять безъ вниманія. Лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и при особыхъ условіяхъ ранняя наклонность къ спеціализаціи, замыкающей въ самое себя, одерживаетъ побѣду надъ другимъ, гораздо чаще встрѣчающимся вообще и болѣе свойственнымъ юношескому возрасту стремленіемъ. Возрастъ этотъ охватываетъ собою, говоря вообще, особенно тѣ годы, которые молодой человѣкъ интеллигентнаго общества проводитъ въ старшихъ классахъ гимназіи и на младшихъ курсахъ университета,—ту пору жизни, когда передъ пробуждающимися высшими формами самосознанія открываются у личности новыя стороны собственнаго я и съ новыхъ сторонъ открывается для нея окружающій міръ, и на почвѣ этого особаго психическаго состоянія у человѣка являютя новыя умственные запросы, доходящіе на высшихъ своихъ ступеняхъ до жажды знанія, столь отличной отъ самой сильной ребяческой любознательности, и рядомъ съ ними обваруживается столь характерный юношескій идеализмъ, развивается стремленіе къ самостоятельному рѣшенію властно требующихъ отвѣта вопросовъ нравственности и общечитія. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ жаденъ къ общимъ идеямъ, такъ воспримчивъ къ идейному знанію,—а идейное знаніе и составляетъ суть общаго образованія въ отличіе отъ спеціальной учености, въ которой главное—значеніе фактическое,—и значило бы отталкивать отъ науки большую часть молодежи, лишая ее такого преподаванія, которое соотвѣтствовало бы именно указаннымъ потребностямъ и стремленіямъ этой поры жизни ¹⁾. Нужно особое предрасположеніе для того, чтобы заинтересоваться только однимъ фактическимъ содержаніемъ той или другой спеціальной науки, но достаточно лишь неиспорченнаго ума и сердца, чтобы не испытывать глубокаго равнодушія передъ идейнымъ содержаніемъ каждой науки, сколько-нибудь освѣщающей намъ человеческое существо съ его многообразными отношеніями къ природѣ и къ себѣ подобнымъ, его духовный міръ и общественныя отношенія. Каждый человѣкъ, мало-мальски способный къ чисто ученой работѣ, всегда найдетъ на широкомъ полѣ знанія такой уголокъ, кропотливая работа надъ которымъ будетъ наиболѣе соответствовать его складу ума, интересамъ и вкусамъ, но далеко не всѣ приходятъ въ университетъ, чтобы отыскать себѣ такой уголокъ, да и тѣ, которые уже его себѣ

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе смотри въ моей статьѣ «Что такое общее образованіе?», *Русская Школа*, 1891, окт.

отмежевали, не всегда зарываются въ немъ съ самаго начала, забывая весь остальной міръ: университетское преподаваніе должно удовлетворять тѣмъ потребностямъ, которыя естественно и необходимо развиваются въ юношескомъ возрастѣ при нормальныхъ условіяхъ воспитанія, должно поддерживать и развивать стремленіе къ самообразованію и съ своей стороны помогать ему наиболѣе широкимъ развитіемъ общихъ курсовъ съ идейнымъ содержаніемъ, отличающимся общинтересностью и общедоступностью, не ставя во главу угла зданія того, что должно быть предлагаемо послѣ, когда наступаетъ пора специализироваться и когда молодой человѣкъ уже вполне сознательно можетъ относиться къ предмету своихъ излюбленныхъ занятій. Не давать молодымъ людямъ той идейной пищи, которой они просятъ, значитъ—по отношенію къ однимъ поселать въ нихъ равнодушіе къ наукѣ, разъ ея идейная сторона, такъ сказать, остается скрытою за фактической ученостью, по отношенію къ другимъ—поощрять въ нихъ склонность къ узкой специализаціи, не подозревающей въ своей погонѣ за фактами, что у науки должна быть идейная сторона, и въ то же время не гарантирующей знатока громадной массы фактовъ изъ одной области отъ печальнаго невѣжества во всемъ остальномъ.

Конечно, не всѣ науки, преподаваемые въ университетѣ, способны вообще или въ одинаковой степени играть роль общеобразовательныхъ предметовъ. Я считаю себя счастливымъ, что наука, избранная мною, какъ специальность, принадлежитъ къ числу наиболѣе общеобразовательныхъ, разъ мы не будемъ отождествлять интереса историческаго съ интересомъ антикварнымъ или археологическимъ. Дѣлая послѣднюю оговорку, я вовсе не думаю ограничивать одинъ интересъ отъ другого хронологически: съ чисто исторической точки зрѣнія можно изучать самыя отдаленныя времена, какъ можно съ запросами и пріемами антикварія или археолога подходить къ событіямъ и явленіямъ чуть не вчерашняго дня: все дѣло именно въ точкѣ зрѣнія, и, конечно, лишь при известной точкѣ зрѣнія исторія получаетъ тотъ смыслъ, о которомъ я говорю. Смотри на своихъ слушателей не какъ на будущихъ ученыхъ, а какъ на людей, ищущихъ общаго образованія въ предѣлахъ известнаго круга наукъ, я именно нахожу, что одною изъ наиболѣе подходящихъ въ этомъ отношеніи наукъ является исторія, конечно, въ известномъ пониманіи, потому что, повторяю, есть исторія и исторія. Исторія—и съ нею только одна философія изъ наукъ нашего факультета,—прежде всего, выводитъ насъ внѣ все-таки тѣсныхъ границъ наукъ филологическихъ, изучающихъ проявленія одной только духовной стороны человѣка въ языкахъ, религіяхъ, литературахъ, художествахъ разныхъ народовъ, и вводитъ насъ въ область явленій со-

ціальныхъ, т.-е. политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, изслѣдуемыхъ науками другого, наиболѣе родственнаго нашему, факультета. Можно сказать, что эти два факультета подѣлили между собою изученіе человѣческаго міра, взявъ на себя одинъ—духовную его сторону, другой—сторону общественную, и что потому исторія, разсматривающая человѣка, и какъ существо духовное, и какъ существо общественное, должна была бы принадлежать обоимъ факультетамъ, а не одному только нашему. Болѣе тѣсное соединеніе исторіи съ филологіей имѣетъ свое историческое объясненіе, но историческое объясненіе никогда не можетъ претендовать на значеніе рациональнаго оправданія. Дѣло въ томъ, что историческая наука новаго времени зародилась, такъ сказать, въ лонѣ филологіи, до сихъ поръ нвогда претендующей на главенство надъ нею и даже бывающей не прочь держать ее въ черномъ тѣлѣ, когда она стремится эманципироваться изъ-подъ старой опеки: было, дѣйствительно, время, когда историкъ долженъ былъ быть прежде всего филологомъ, да и теперь еще нѣкоторые отдѣлы нашей науки—отчасти по традиціи, отчасти по существу дѣла—находятся въ сильной зависимости отъ филологіи. Въ общемъ, однако, исторія въ настоящее время вполне самостоятельная наука, и новѣйшія ея направленія имѣютъ теперь даже гораздо больше точекъ соприкосновенія съ науками юридическаго факультета, чѣмъ съ филологіей. Съ тѣхъ поръ, какъ юристы и экономисты стали исторически изучать явленія права и народнаго хозяйства, а историки, въ свою очередь, включили эти явленія, столь чуждыя интересамъ чистой филологіи, въ число предметовъ своего изученія, историческая наука уже не можетъ оставаться принадлежностью одного нашего факультета, и историкъ не можетъ болѣе опираться на одно филологическое образованіе. Исторія сближаетъ оба факультета и, можно сказать, возвышается надъ односторонностью каждаго, раздробляясь въ то же время на частныя исторіи языка, литературы, искусства, философіи и церкви на одномъ факультетѣ и исторіи государственныхъ учрежденій, права, хозяйственныхъ отношеній, общественныхъ теорій на другомъ. Что общая исторія не преподается юристамъ, какъ преподается она филологамъ, есть простая непослѣдовательность, еще очень недавно (до 1884 г.) устранившаяся, однако, практикою отдѣльныхъ университетовъ. Наприм., въ Московскомъ университетѣ, гдѣ я учился, общіе курсы всеобщей и русской исторіи читались совмѣстно филологамъ и юристамъ, и то же до сихъ поръ дѣлается въ Варшавскомъ университетѣ, въ которомъ и я нѣсколько лѣтъ подрядъ читалъ такіе курсы для студентовъ двухъ факультетовъ ¹⁾. Съ

¹⁾ См. объ этомъ статью мою «Два замѣтка объ историческомъ образованіи» (I. Постановка дѣла въ университетахъ). Устол. 1882, № 5.

другой стороны, отъ ищущихъ на историко-филологическомъ факультетѣ степени магистра исторіи требуется на экзаменѣ политическая экономія, читаемая только на юридическомъ факультетѣ, и весьма часто историческія диссертациі на ученые степени нашего факультета бываютъ болѣе понятны профессорамъ-юристамъ, чѣмъ профессорамъ-филологамъ. Въ самыхъ историческихъ курсахъ, читаемыхъ на этомъ факультетѣ, все болѣе и болѣе отводится мѣста изложенію явленій политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, такъ что студенты-филологи именно на историческихъ лекціяхъ выходятъ изъ того сравнительно тѣснаго круга явленій исторической жизни народовъ, коими занимаются другіе предметы факультета.

Являясь связующимъ звеномъ между двумя факультетами и тѣмъ самымъ особенно заслуживая названіе предмета общеобразовательнаго, исторія играетъ такую же роль по отношенію ко многимъ отдѣльнымъ дисциплинамъ нашего факультета: въ ней наиболѣе сосредоточено то общее, частныя стороны и проявленія котораго изучаются болѣе спеціальными исторіями церкви, философіи, литературы, искусства. Въ теоріи никто не рѣшится отрицать, что отдѣльное изученіе прошлаго религіи, философіи, литературы, искусства немислимо въ совершенной оторванности отъ общей исторіи, которая, въ свою очередь, должна быть синтезомъ этихъ частныхъ изученій, безъ чего они были бы только *disjecta membra dei*. Историческій процессъ складывается изъ нѣсколькихъ параллельныхъ, такъ сказать, переплетающихся между собою и находящихся во взаимодействіи процессовъ, обобщаемыхъ нами подъ названіями исторій государства и соціальнаго строя, права и экономическихъ отношеній, религіи и церкви, философіи, науки, литературы и искусства, и при изученіи каждаго такого процесса имѣется свой фактический матеріалъ, имѣются свои точки зрѣнія, имѣются особые научные приемы, но только тогда изслѣдователь, напр., права или литературы вполне и всесторонне пойметъ свою область и оцѣнитъ отдѣльныя, встрѣчающіяся въ ней, явленія, когда приобрететъ способность мыслить изучаемую имъ категорію фактовъ въ связи съ другими категоріями и въ цѣломъ народной жизни, охватить которое и должно быть идеальною цѣлью общей исторіи. Общее факультетское образованіе поэтому должно класть въ свою основу исторію, какъ идейный центръ, въ коемъ сходятся радіусы отдѣльныхъ изученій, все болѣе и болѣе разобщающихся между собою по мѣрѣ приближенія къ периферіи съ господствующимъ на ней специализмомъ. Такимъ образомъ исторія, взятая, какъ изученіе историческаго процесса въ его нераздѣльной цѣльности, является однимъ изъ наиболѣе обобщенныхъ предметовъ факультета, и съ этой стороны онъ вмѣстѣ съ философіей является наиболѣе

пригоднымъ для цѣлей общаго образованія, какъ подготовки къ спеціальнымъ занятіямъ, не говоря уже о томъ значеніи, какое исторія имѣетъ для моральнаго и соціальнаго воспитанія, составляющаго не менѣе, если не болѣе важную задачу общаго образованія.

Мало того: являясь по существу дѣла центральнымъ предметомъ на нашемъ факультетѣ и служа связью между нимъ и факультетомъ юридическимъ, исторія должна была бы играть важную роль и вообще въ университетскомъ образованіи. Идеаль университетъ есть universitas omnium litterarum, но въ дѣйствительности ни у насъ, ни за границей не существуетъ общаго университетскаго образованія, такъ какъ самый университетъ, какъ *universitas omnium litterarum*, есть только идеаль, коему въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ соединеніе нѣсколькихъ факультетовъ, дающихъ каждый совершенно различное образованіе, спеціальное въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно было быть образованіе универсальное, и могущее называться все-таки общимъ лишь по отношенію къ отдѣльнымъ научнымъ спеціальностямъ. Тѣмъ не менѣе соединеніе въ одномъ учрежденіи разныхъ факультетовъ, являющихся каждый въ отдѣльности какъ бы особою спеціальной школой, имѣетъ весьма важное значеніе, сближая между собою отдѣльныя науки и тѣмъ внося въ нихъ нѣкоторый элементъ универсальности. Университетскіе факультеты въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество передъ соотвѣтственными имъ высшими спеціальными школами: студентъ одного факультета можетъ слушать лекціи другого, и иногда прямо существуютъ совмѣстные для студентовъ двухъ факультетовъ курсы; онъ вступаетъ въ товарищескія отношенія не съ одними ближайшими своими коллегами, но и съ принадлежащими къ слушателямъ иныхъ спеціальностей, и научается отъ нихъ новому; онъ пріучается смотрѣть на науки своего факультета, какъ на часть одного великаго цѣлаго—университетской науки, и это расширяетъ его умственный горизонтъ. Въ томъ же положеніи находятся и представители самой университетской науки, которые поставлены въ возможность обмѣниваться между собою знаніями, идеями, точками зрѣнія, вырабатывающимися въ далекихъ одна отъ другой спеціальностяхъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣльные факультеты находятся, кромѣ того, въ болѣе тѣсной связи между собою, имѣя много частныхъ точекъ соприкосновенія и много общихъ, сближающихъ ихъ между собою, интересовъ: таковы, какъ мы видѣли, факультеты историко-филологическій и юридическій, оба изучающіе челоуѣка и міръ его отношеній, и становясь на точку зрѣнія даже только спеціальныхъ интересовъ обоихъ факультетовъ, можно вообразить себѣ нѣкоторое такое общее образованіе, которое, будучи одинаково необходимо и пригодно, какъ для филолога,

такъ и для юриста, сливало бы оба эти факультета въ одинъ факультетъ гуманитарныхъ и социальныхъ наукъ съ разными специальными отдѣленіями: историко-филологическія знанія, нужныя для юриста, и юридическія знанія, нужныя для филолога, и составляли бы изъ себя то, что должно было бы лечь въ основу общаго гуманно-соціального образованія. Это, думаю я, должны были бы быть, кромѣ философіи, общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства, взятая съ факультета юридическаго, и общія теоріи человѣческаго духа и его проявленій въ мышленіи, языкѣ, нравственности, религіозномъ, философскомъ, литературномъ и художественномъ творствѣ, извлеченныя изъ наукъ филологическихъ,—а рядомъ съ этими общими теоріями, изучающими разные стороны человѣчности, исторія человѣчества, и, пожалуй, послѣдняя, какъ наука, по идеѣ своей долженствующая разсматривать жизнь человѣчества во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ, играла бы и тутъ вмѣстѣ съ философіей роль предмета, объединяющаго въ себѣ то, что всѣ эти теоріи разсматриваютъ каждая въ отдѣльности. Если при той размежевкѣ, которую въ знаніяхъ о человѣкѣ произвели между собою историко-филологическій и юридическій факультеты, и можно говорить о какомъ-либо преимуществѣ одного передъ другимъ въ смыслѣ большаго приближенія къ идеалу универсальности, то только принимая въ расчетъ чисто традиціонное, но въ настоящее время лишенное принципіальныхъ основаній приуроченіе общенсторическаго преподаванія къ одному историко-филологическому факультету, хотя въ смыслѣ постановки общихъ теорій преимущество принадлежитъ факультету юридическому.

Исторія отстояла бы свое право на роль важнѣйшаго образовательнаго предмета въ общемъ университетскомъ образованіи и въ томъ случаѣ, если бы послѣднее вполне соответствовало идеалу *universitatis omnium litterarum*. Общее образованіе въ области гуманитарныхъ и социальныхъ наукъ не можетъ считаться достигшимъ совершенной универсальности, пока съ нимъ не соединено то общее образованіе, какое дается двумя факультетами, изучающими природу и человѣка съ его физической стороны, физико-математическимъ и медицинскимъ, находящимися также въ ближайшемъ другъ къ другу отношеніи. Въ нашей литературѣ ¹⁾ не разъ уже высказывалась мысль о такой коренной реформѣ университетскаго образованія, при которой факультеты превратились бы прямо въ высшія спеціальныя школы, хотя бы и соединенныя въ

¹⁾ См., напр., статью проф. Н. Н. Вагнера, напечатанную въ *Новомъ Времени* (№ 2656, отъ 22 іюля 1883 г.), а также упомянутую выше статью мою въ окт. кн. *Русской Школы* за 1891 г.